

С. И. НИКОЛАЕВ

Латинская притча XIII в. о дочерях дьявола в русских рукописях XVII—XIX вв.

В ряде русских рукописей XVII—XIX вв. встречаются две небольшие статьи, посвященные одному сюжету: дьявол (или антихрист) женится на Неправде (или Мерзости), а родившихся дочерей затем выдает замуж за людей разного звания. Эта аллегорическая история распределения грехов и пороков по социально-профессиональным признакам, получившая в России популярность из-за того, что в XVIII в. попала в лубочную литературу, уходит своими корнями в глубь западноевропейского средневековья.

Изменения в структуре феодального общества, наступившие в XII в., породили, как отмечает Жак Ле Гофф, волну сюжетов о «дочерях дьявола», вступивших в брак с каждым из сословий и состояний («états»). В частности, он приводит текст XIII в.:

«У дьявола было девять дочерей, которых он выдал замуж

Симонию	за клириков
Лицемерие	за монахов
Разбой	за рыцарей
Святотатство	за крестьян
Притворство	за слуг
Обман	за купцов
Ростовничество	за бюргеров
Щегольство	за матрон

Разврат же он не пожелал ни за кого выдавать, но всем ее предлагает, как публичную девку»¹

В XIII в. эта аллегория, которую предварило описание жены дьявола, «мерзейшей и зловонной», получила законченное выражение в «примере» (exemplum) знаменитого проповедника того времени Жака де Витри (1160—ок. 1240)² и стала популярной в разных сборниках «примеров» XIII—XV вв.³ Анализируя порок и осуждая грех, проповедник рассмат-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада М., 1992 С. 246—247

² См. The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques of Vitry / Ed. by T. F. Crane London, 1890 P. 101—102 (N 244)

³ См. Herbert J. A. Catalogue of Romances in the Department of Manuscript in the British Museum London, 1910 Vol. 3 P. 30, Tubach F. C. Index Exemplorum A Handbook of Medieval Religious Tales Helsinki, 1969 P. 116 (N 1452), 130 (N 1589)

ривал «индивида и общество — *sub specie peccati*. Все виновны пред Богом, и наряду с общечеловеческой греховностью, источник которой — первородный грех, существуют еще специфические, так сказать, „профессиональные“ грехи, характерные для людей разных занятий и статусов. Никто не уходит от сурового суда проповедника». ⁴ Поэтому число дочерей дьявола, т. е. пороков и грехов (не всегда «смертных» или «главнейших»), могло колебаться в разных сборниках «примеров» от двух-четырех до четырнадцати ⁵ — в зависимости от представленной в проповеди того или иного проповедника его собственной концепции «анатомии греха».

Помимо прозаических версий сюжета о дочерях дьявола уже с XIII в. появляются и стихотворные его переложения, в том числе на национальных языках. ⁶ Если прозаический «пример» кратко передает лишь суть аллегории, то стихотворные версии обычно более подробны и красочны. ⁷

В русскую литературу XVII в. этот сюжет мог попасть обычным для того времени путем — из Польши. В польской проповеднической литературе «пример» на латинском языке о дочерях дьявола известен с начала XIV в. по сборнику проповедей доминиканского монаха Перегриниз Ополя, ⁸ а затем в XV в. он встречается у Петра из Мирослава. ⁹ В обоих «примерах» речь идет о девяти дочерях, при этом перечисленные «состояния» и свойственные им пороки в значительной степени совпадают между собой, немногим отличаясь от «примера» Жака де Витри и приведенного Ж. Ле Гоффом текста XIII в. Можно полагать, таким образом, что уже к XV в. «пример» на латинском языке о дочерях дьявола окончательно сложился, хотя в нем и были возможны локальные варианты.

В русской литературе XVII—XVIII вв. стали известны оба варианта сюжета — прозаический и стихотворный. Первым появился в последней четверти XVII в. перевод его стихотворного изложения. Об одном его списке сообщил в 1903 г. А. И. Соболевский и напечатал значительные из него выдержки. ¹⁰ Известен еще один список конца XVII в. ¹¹ Текст памятника печатается по этим спискам (основной список: ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445 — В; разночтения: РГБ, собр. Ундольского, № 1079 — У).

⁴ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. (Exempla XIII века). М., 1989. С. 68.

⁵ См.: Bloomfield M. W. The Seven Deadly Sins. An Introduction to the History of a Religious Concept, with Special Reference to Medieval English Literature. Michigan, 1952. P. 129.

⁶ См.: Ibid. P. 136, 142.

⁷ См.: Meyer P. Notice du ms. Rawlinson poetry 241 (Oxford) // Romania. Recueil trimestriel. Paris, 1900. Vol. 29. P. 54—72; B. Hauréau. Les filles du diable // Journal des savants. 1884. Avril. P. 225—228. Стихотворные описания грехов были известны и русской силлабической поэзии, ср. главу «Семь грехов главнейших» в анонимной поэме нач. XVIII в. «Лестница к небеси»: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 339—341.

⁸ См.: Wołny J. Exempla z kazań niedzielnych Peregryna z Opoła // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego Średniowiecza. Wrocław, 1978. S. 252.

⁹ См.: Brückner A. Kazania średniowieczne. III // Rozprawy Akademii Umiejętności, Wydział filologiczny. Kraków, 1897. T. 25. S. 144; Kośny W. Czy «Satyra na leniwych chłopów»? Próba socjologiczno-literackiego opisu tekstu // Pamiętnik Literacki. 1976. Z. 4. S. 14.

¹⁰ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 176—177. Привлечен список: РГБ, собр. Ундольского, № 1079, л. 71—72 об.

¹¹ См.: ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445, л. 48—51 об.

¹ПРИТЧА О ДЩЕРЕХ²

л. 48 Диявол окаанный поял себе жену нечестиву, госпожо Мерзость урожену. Она ж проклятому супружница бысть мила, осмь дочерей подобных себе уродила, яже, совершенных лет своих дошедши, за люди различных чинов удобно замуж пошли. Отец бо вам лукавый зело промышляет, дочерей своих³ возлюбленных замуж выдает, дабы чрез то многих к себе о горе присвоити.

л. 48 об. Первая.⁴ // Болшая тогда, именем Гордостию названа, за богатых и полных чрез изобилие повидана. Для того богатии беднаго обидят и нишаго меж себя никого ненавидят.

Вторая.⁵ Вторую, иже той менши, Лютость, полюбившии велможи поняли, души свои в позабывшии. Для того во многих местех кровь потоком течет, когда сильный безвинных ⁶на зпагубу⁷ влечет. Изобиденных л. 49 слезами землю затопили, // плачь и вопль обиженных небо⁸ порушили. Они ж⁸ волю пред лютой своей любовничи смело творят, якобы Бога на небе⁹ и не было.

Третья.¹⁰ Третья¹¹ и той менши Сребролюбием названа, торговым и промышленным за жену отдана, та ж их всегда будит ненасыщенным очам: у кого много — болши желает и жадает, у нишаго и нужнаго¹² досталь выдирает.

л. 49 об. Четвертая.¹³ // Четвертой имя Измена, та общему чину мирскому доставшия, подает⁶ причину разным служивым людям, наемным и черным, что они в повинности своей не тако вернии обретаются, как им подобает, и нечистая их совесть им повелевает паче что шатости, без души последуют иным и самим себе пагубу готуют.

л. 50 Пятая.¹⁴ Пятая художником отдана за жену и тем, что // достойнаго не годни суть чину. Ненависть ей имя, яже подущает, чтобы¹⁵ всяк гулял, а чюжому счастью и завидывает.

Шестая.¹⁶ Шестая ж над всеми прехитростнейши³ Лицемерством названа, якож и величайшим досталася некоторым, иже преукрашенни⁷ благотелством, повреждени же лицемерством,⁸ людей льстят. А в той зла много¹⁷ от них раждается,¹⁸ яко змиина¹⁹ жало.

л. 50 об. Воистинну им нельзе // в малых дел говорити, яко бездушным людям. Кто может измерити зело пространну совесть их? Прехитростнейший, юже добродетели мниш украшеннейший.

Седмая.²⁰ Седмая, именем Спесь высока, замуж не хотела,²¹ аще и полюбowników²² многих имела. Сваталися младые бояре²³ царедворцы и приказные люди миротворцы.⁶ Она ж красна лицом, добра собою, сама себе л. 51 ²⁴полюбила всю²⁵ // доброту свою, пошла к женскому полу, там подружилася и дворецкою^ж у них у всех учинилася. И то не без причины диявол вымышлял, что сие свое чадю им началством подавал, за то ж они обычай свой имеют и над всяким человеком погордиться смеют. К белилам и румянцам Спесь их побуждает и тем до их неволи многих привлекает. //

л. 51 об. Осмая.²⁶ Осмая дщерь Скверноу названа.²⁷ Совет таков учинил отец окаанный: и чтоб всему миру присно в соблазн была³ и безопасных

² Доб. по У; в В нет. ³ Испр. по У; в В подобает. ⁴ Испр. по У; в В прехитростнейши. ⁵ Испр. по У; в В преукрашенным. ⁶ Испр. У; в В лицемерийством. ⁷ Испр.; в ркп. миротворли. ⁸ Испр. по У; в В дворецком. ⁹ Испр. по У; в В было.

¹⁰—¹² Нет У. ¹³ Нет У. ¹⁴ Нет У. ¹⁵ Нет У. ¹⁶—¹⁷ наз в пагубу У. ¹⁸ же У. ¹⁹ небесе У. ²⁰ Нет У. ²¹ Нет У. ²² третья У. ²³ Доб. и У. ²⁴ Нет У. ²⁵ чтоб У. ²⁶ Нет У. ²⁷ многа У. ²⁸ раждаются У. ²⁹ змей на У. ³⁰ Нет У. ³¹ похотела У. ³² Доб. и У. ³³ бояря У. ³⁴—³⁵ полюбившии ту У. ³⁶ Нет У. ³⁷ называнна У.

людей с пути сводила, злых похотей и свою волю творити прирожденным нравом и телу угождати беззаконием всяким, блудом и нечистотою.

Каков построй, таков устрой. Приповесть от старинных. Зрите убо вси и страшитесь сих ²⁸дочерей окаянных.²⁹

А. И. Соболевский считал это произведение переводом, причем, по его мнению, «оригинал — несомненно на польском языке».¹² Однако предполагаемый польский источник обнаружить до сих пор не удалось; нет в тексте и явных полонизмов. Но А. И. Соболевский, скорее всего, был прав. Сюжет притчи, столь популярный в европейских источниках, в русской литературе не встречается. Переводный характер притчи особенно заметен в ее форме: в тексте постоянно встречаются следы рифм (мила — уродила; *промышляет* — *выдает*; *течет* — *влечет*; *названа* — *отдана*; *жадает* — *выбирает*; *царедворцы* — *мирутворцы*; *имеют* — *смеют* и др.). Остатки рифм расположены неравномерно, между ними может быть от 11 до 18 слогов (13—13, 13—15, 14—13, 15—14, 14—14, 14—11, 15—18 и т. д.). Это могло получиться только при переводе стихотворного текста и в том случае, если переводчик не намеревался передать стихотворную форму оригинала (скорее всего, это был силлабический 13-сложник). Не случайно и то, что имеющиеся в притче «рифмы» — глагольные рифмы простейшего вида, которые ненамеренно сохраняются при переводе с родственного славянского языка. Только в кратком описании первой дочери все рифмы присутствуют: «Большая тогда, именем Гордостию *названа*, за богатых и полных чрез изобилие *повыдана*. Для того богати беднаго *обидят* и нищаго меж себя никого *ненавидят*». Можно полагать, что если в оригинале были разноименные рифмы, то при переводе они пропадали. Точно таким же методом в 1691 г. с польского языка было переведено нравоучительное стихотворение Яна Жабчица «Четвертак»: две первые строфы С. Ф. Чижинский перевел неловкими стихами с заимствованными из оригинала рифмами, а большую часть стихотворения прозой, в которой едва заметны следы польских рифм.¹³

Краткая прозаическая версия сюжета о свадьбе дочерей дьявола появилась в русской литературе не позднее второй четверти XVIII в. Она известна по лубочной картинке второй четверти XVIII в. работы Ахметьевской фабрики, на которой изображено брачное пиршество дьявола с Неправдой. В нижней части картинки изображены несколько пар людей разного звания, женившихся на дочерях Неправды.¹⁴ Текст на картинке следующий:

О Неправде пишет, что диявол въздумал некогда женитца и тако понял себе жену Неправду и прижел с нею сем дочерей и выдал их замуш, хотяша повлещи и зятнев собою в муку.

1. Была Горьдость и оную выдал за богатых людей.
2. Была Скупость и оную выдал за простых людей.
3. Была Лесь и оную выдал за деревенских мужиков.
4. Была Зависть и оную выдал за мастеровых людей.
5. Была Лицемерие и оную выдал за церковников.
6. Была Тщеславие или Спесь и оную послал к женьщинам.

^{28—29} дщерей страшных окаянных У.

¹² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси... С. 177.

¹³ См.: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 190—192.

¹⁴ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3: Притчи и листы духовные. С. 59.

7. Была блудница и ту не похотел замуш выдать, но оставил ю ходити блудницею по свету и которой человек с нею содружится, тот вовеки не может ада лишиться.¹⁵

Эта краткая версия сюжета о дочерях дьявола, «лубочная», получила распространение в старообрядческой среде. Старообрядческая переделка сохранилась в ряде рукописей XIX в.:¹⁶

¹О АНТИХРИСТЕ²

Сын сатанин антихрист в осмой тысящи³ женился, поял себе жену Ложь и прижил семь дочерей и⁴ пережил своих зятяввей.

1.⁵ Дщерь Лицемерка — отдал за духовной чин, за поповичей.

2.⁶ Дщерь Зависть — отдал за мастеровых людей.

3.⁷ Дщерь Гордость — отдал за богатых людей.

4.⁸ Дщерь Неправда — отдал за гражданских судей.⁹

5.¹⁰ Дщерь Уныние — отдал за скупых людей.

6.¹¹ Дщерь Лесть отдал за простых людей, за деревенских мужиков.

7.¹² Дщерь Самолюбка — оную не хотя отдати в¹³ замужество, изволил во весь мир¹⁴ пустити и кто с нею совокупится, аду не лишится. И всех зятевей усердно желает и на всяк день в гости призывает, и трапезу поставляет, и упитанных ко отцу своему сатане вечно спать отсылает.¹⁷

В усть-цилемской переделке переставлены местами дочери-грехи, а Скупость и Тщеславие заменены на Неправду и Уныние, но по текстуальным совпадениям очевидно, что это переделка лубочного текста. В этой переделке, благодаря замене «некогда» на более определенное «в осмой тысящи», а «дьявола» на «сына сатанина антихриста», эсхатологическая тема притчи обрела современной звучание. Но это не единственная старообрядческая переделка сюжета. Вторая известна в одном списке, керженском, 40-х гг. XIX в.:

Выписано из книги Диядимы. Восхоте бес взять себе жену и женитися. Взял он за себя жену Неправду и родили с нею семь дщерей. Первую дщерь Сребролюбие,¹⁸ вторую дщерь Зависть, третью дщерь Лихоимство, четвертую дщерь Гордость, пятую дщерь Ненависть, шестую дщерь Пиянство, седмую дщерь Блуд. Они думали с женою своею Неправдою, за кого им дщерей своих отдавать замуж. Сребролюбие за инока, Зависть за купца, Ненависть за нищого, Гордость за князя, Лихоимство за судию, Пиянство за святителя. А Блуд не пошла замуж ни за кого, так скитається и до сего дни по всему свету.¹⁹

Если усть-цилемская версия, безусловно, является переделкой лубочного текста, то керженскую переделку возвести к лубочной картинке не так просто: слишком отличаются между собой как имена дочерей, так и

¹—² Нет ЦП. ³ тысящи ЦП. ⁴ Доб. пережил сем дочерей и ЦП. ⁵ первая ЦП. ⁶ вторая ЦП. ⁷ третья ЦП. ⁸ четвертая ЦП. ⁹ людей ЦП. ¹⁰ пятая ЦП. ¹¹ шестая ЦП. ¹² седмая ЦП. ¹³ Доб. по П; в УЦ нет. ¹⁴ Доб. по ЦП; в У нет.

¹⁵ РНБ, Отд. гравюр, собр. Олсуфьева, т. 8, № 1434. На ленте в верхней части листа написано: «Выписано ис патерика скитского».

¹⁶ См.: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 118, 120, 133. Текст издается по спискам: ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 70, л. 34 об.—35 об. (У—основной текст); № 67, л. 318 об.—320 (Ц); № 91, л. 7 об.—8 об. (П).

¹⁷ Еще один список этой версии притчи сохранился в сборнике первой половины XIX в. Тобольского филиала Гос. архива Тюменской обл. (№ 1, л. 14 об.), см.: Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Гос. архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 66. Е. К. Ромодановская любезно прислала мне выписку из этой рукописи. Текст притчи в этом списке дефектный (без конца) и со многими описками. К публикации не привлекается.

¹⁸ Испр., в ркп. сребролюбие.

¹⁹ ИРЛИ, собр. Керженское, № 96, л. 31 об.

перечисленные «состояния». Возможно, это еще одна независимая переделка европейского ехемпли. Показательно, что керженская рукопись написана, судя по почерку, скорее всего, выходящем из Украины или Белоруссии. Упомянутая в самом начале керженской версии «книга Дияди-ма» подтверждает предположение о другом источнике (не лубке), хотя сама такая книга и неизвестна (название сборника?). Отличия между русскими версиями могут быть объяснены еще и тем обстоятельством, что, хотя ехемпла в сборниках «прикладов» записывались по-латыни, произносились они в проповеди на национальном языке, а это давало возможность для разных перестановок и индивидуальных интерпретаций социальной иерархии грехов самим проповедником. Для старообрядческих переделок характерно исключение союза «Спеси» и женщин, а также то, что на первое место поставлены грехи священников и монахов. Из этого, в частности, следует, что рассказ о дочерях дьявола воспринимался не только как «духовная притча», но и как произведение с очевидными элементами социальной сатиры.

Таким образом, в русской литературе XVII—XIX вв. в нескольких версиях зафиксирован старинный западноевропейский сюжет о свадьбе дочерей дьявола. Адаптации латинского «приклада» в иноязычной и иноконфессиональной среде способствовало несколько обстоятельств. Свойственная средневековой Европе дьяволизация женщины и представление о ней как о подручной Сатаны²⁰ вовсе не было чуждо древнерусскому сознанию,²¹ что особенно проявилось в поздней «Беседе отца с сыном о женской злобе».²² Печатные листы с изображением женских фигур, олицетворяющих смертные грехи, были известны в Европе в XVI в.²³ На Руси были обычны и олицетворения всяческих пороков в виде женщин, например, в виде 12 сестер, «дочерей Иродовых», изображались лихорадки.²⁴ Издавна были известны и «3 дочери у пиавици света сего: тщеславие, сребролюбие неправого богатства, пианство несытое, исполнь блуда».²⁵ В XVII в. женские олицетворения грехов встречаются в поэзии Симеона Полоцкого,²⁶ а затем и в русской силлабической поэзии:

На колеснице грядет Гордость пресвирепа,
Пред нею сидит Зависть — дочь ее нелепа.
Презор, Высокоумство коня горе правит,
Гнев, Клевета, Убивство, Ненависть злослов<ит>.
Татьба, Чревобесие, Кичение, Слава,
Упрямость, Любодейство и Лихва неправа,

²⁰ См.: Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 296—346.

²¹ См.: Забелин И. Попыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 129—178.

²² См.: Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

²³ См.: Делюмо Ж. Ужасы на Западе. С. 342.

²⁴ См.: Калачов Н. Названия лихорадок в заговорах // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2, ч. 2, отд. 6. С. 56—57; Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 352—353.

²⁵ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 112.

²⁶ См.: Łuźny R. *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966. S. 122.

Обида, Лесть, Неправда возблудут жестоко,
Правосудие на ню зрит <...> в око.²⁷

Помимо сходства приемов средневекового аллегоризма существенную роль в восприятии «притчи о дщерях» сыграла и определенная жанровая близость, возможность найти жанровый аналог средневековому «прикладу». На русской лубочной картинке характерна помета: «Выписано ис патерика скитьскаго». Конечно, в Скитском патерике ничего подобного нет, однако жанровое соответствие переводчик или гравер картинке подыскал довольно точно.²⁸ Сходство жанровой природы патериковых рассказов и европейских средневековых *exempla* известно,²⁹ и переводчик стихотворной версии сюжета о дочерях дьявола подыскал наиболее точное жанровое определение латинскому *exemplum* — «притча».

В русском восприятии латинского «приклада» о свадьбе дочерей дьявола очень показательна конфессиональная толерантность переводчиков и читателей. Ведь латинская притча, судя по спискам XIX в., попала даже в наиболее конфессионально строгие старообрядческие круги. Но здесь «притча о дщерях» не является исключением. Как раз среди старообрядческих читателей наибольшую популярность получил «Тропник» папы Иннокентия III (также XIII в.), «Великое Зерцало» и другие католические по происхождению памятники, в том числе небольшое францисканское стихотворение о суете мира (опять-таки XIII в.), попавшее и в лубочную картинку, и в рукописные, а затем и в печатные песенники.³⁰

Думается, что русские книжники смотрели на попавшие в русскую литературу католические по своему происхождению произведения не только сквозь призму ортодоксии, но и с точки зрения ортопраксии. Т. е. если в сочинении не затрагивались догматы веры, то оно вполне могло войти в корпус «учительной» литературы. Этот подход позволял русской литературе осваивать духовную литературу, созданную в иноконфессиональной среде.

Рассуждая о судьбе «притчи о дщерях» в русской письменности, мы можем судить о ее восприятии только на основании числа переводов, разных версий и рукописей. Каких-либо непосредственных отзывов не сохранилось. Но от начала XIX в. до нас дошло живое описание впечатления, какое лубочная картинка с изображением аллегорий грехов производит на зрителя. Романтически влюбленный герой романа В. Т. Набережного «Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814) рассматривает в гостях картинку на стенах. «Тут синие мышши погребают фиолетового кота. „Это, видно, заморские звери“, — думал я и обратился к другой. О ужас! там представлен был страшный суд. Ад так широко разинул пасть свою; в нее волокли бояр, попов, старост, князей, убийц, зажигателей; все они были с багровыми от страха лицами. Я глядел далее и смотрел на изображение гре-

²⁷ Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 183. Из поэтики московской Славяно-греко-латинской академии 1748—1749 гг.

²⁸ Не исключено, что притча действительно могла попасть в какую-то рукопись Скитского патерика, откуда ее и выписал автор картинки. Но и в этом случае наличие латинского «приклада» в своде патериковых рассказов весьма показательно.

²⁹ См.: Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 139—140.

³⁰ См.: Николаев С. И. Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 224—236.

хов, также туда идущих. Тут Гордость, там Жестокость, Лицемерство и проч. Я пробежал глазами большую половину их и душевно радовался, что я не убийца, не зажигатель. Правда, при изображении гордости я немного покраснелся, как вдруг попался глазам моим обольститель невинности. Поблуднев, отступил я назад. После подошел полубопытствовать, что будут делать с обольстителем невинности. <...> Я вижу: черти раскаленными клещами вытаскивают язык из гортани, приговаривая: „Не лги, не клянись, не обольщай!“. Волосы стали у меня дыбом».³¹ Трудно судить, такое ли впечатление производила картинка с изображением свадьбы дочерей дьявола. Из нее, однако, было ясно, что все общество охвачено грехом, греховна сама его структура. Социальная сатира звучит здесь наряду с порицанием пороков.

³¹ Нарезный В. Т. Избр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 64—65.